

Научная публикация
архивных материалов /
Scientific Publication
of Archival Materials

<https://elibrary.ru/WOSRZL>
УДК 821.112.2.0
ББК 83.3

«СЛОВО К МОЛОДЫМ ПОЭТАМ» И.В. ГЁТЕ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2023 г. Т.В. Кудрявцева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 27 октября 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 05 декабря 2022 г.
Дата публикации: 25 марта 2023 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-364-381>

*Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН
за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131)*

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ текста И.В. Гёте «Слово к молодым поэтам» („Ein Wort für junge Dichter“, 1833) и написанной в связи с кончиной А.М. Горького статьи теоретика марксистской эстетики Д.(Г.) Лукача «Освободитель» („Der Befreier“, 1936). Предмет анализа — трактовка Лукачем применительно к личности и творчеству А.М. Горького понятия «освободитель», которое Гёте использовал в отношении своего творчества. Вынося ключевое слово «освободитель» из произведения Гёте в название своей статьи, Лукач в рамках заданной Гёте темы об освободительной миссии литератора пытается доказать правомерность применения тезисов немецкого классика к эпохе пролетарского искусства. Избирательность подходов Лукача к исследуемому материалу продиктована особенностями функционально-целевых установок, которыми руководствовался автор «Освободителя», посвященного классику социалистического реализма. Интерпретация текста Гёте строится Лукачем не на всестороннем анализе взглядов немецкого классика и советского писателя на заданную тему, а ограничивается соположением знаковых смысловых констант, которые заложены в слове «освободитель», важных для Лукача с точки зрения их актуальности применительно к личности и творчеству Горького.

Ключевые слова: Германия, Гёте, Горький, Лукач, рецепция, творческая личность, марксизм, формализм, эстетика, теория искусства.

Информация об авторе: Тамара Викторовна Кудрявцева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

E-mail: muchina@yandex.ru

Для цитирования: Кудрявцева Т.В. «Слово к молодым поэтам» И.В. Гёте: к истории одной интерпретации // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 1. С. 364–381.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-364-381>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 4, 2022

“EIN WORT FÜR JUNGE DICHTER” BY I.W. GOETHE: ON THE HISTORY OF ONE INTERPRETATION

© 2023. Tamara V. Kudryavtseva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: October 27, 2022

Approved after reviewing: December 05, 2022

Date of publication: March 25, 2023

Acknowledgements: The work was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 21-18-00131).

Abstract: The article presents a comparative analysis of I.V. Goethe’s “The Word to Young Poets” („Ein Wort für junge Dichter,“ 1833) and the article written in connection with A.M. Gorky death by the theorist of Marxist aesthetics D. (G.) Lukács “The Liberator” („Der Befreier,“ 1936). The subject of the analysis is Lukács’s interpretation of the ‘liberator’ concept used by Goethe in relation to his own work. Lukács, who chose this keyword from Goethe’s paper as the title of his own article, tries within the framework of the theme set by Goethe about the liberating mission of the writer to prove the validity of applying the theses of the German classic in the era of proletarian art. In the course of the undertaken analysis, the author of the article comes to the conclusion about the selectivity of Lukács’s approaches to research material. That was dictated by the specificities of the functional-target settings the author of “The Liberator,” dedicated not just to a great writer per se, but to the classic of socialist realism, was guided by. Therefore, Lukács’s interpretation of Goethe’s text isn’t based on a comprehensive analysis of the German classic and the Soviet writer views on a given topic, but is limited to the juxtaposition of iconic semantic constants that are embedded in the word “liberator,” important for Lukács in terms of their relevance to Gorky’s personality and work.

Keywords: Germany, Goethe, Gorky, Lukács, reception, creative personality, Marxism, formalism, aesthetics, theory of art.

Information about the author: Tamara V. Kudryavtseva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

E-mail: muchina@yandex.ru

For citation: Kudryavtseva, T.V. “‘Ein Wort für junge Dichter’ by I.W. Goethe: On the History of One Interpretation.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 1, 2023, pp. 364–381. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-364-381>

Среди сочинений И.В. Гёте по теории искусства обращает на себя внимание не переведившееся ранее на русский язык «Слово к молодым поэтам» („Ein Wort für junge Dichter“). Приведем его полностью:

«Наш учитель тот, под чьим руководством мы непрестанно упражняемся в искусстве, кто, пока мы набираемся опыта, шаг за шагом разъясняет нам принципы, следуя которым, мы уверенно достигаем желаемой цели.

В этом смысле я ни для кого не был учителем. Но если сформулировать, кем я стал для немцев вообще, особенно для молодых писателей, я, пожалуй, осмелюсь назвать себя их *освободителем* (курсив Гёте. — Т.К.); ибо они осознали на моем примере, что равным образом, как в жизни, человеку приходится заявлять о себе, художник в своем творении вынужден исходить из своих внутренних потенций, и как бы он этому ни противился, он всегда будет выражать только самое себя.

Если он приступает к работе бодро и радостно, то, несомненно, являет ценность своей жизни, неповторимость или изысканность, а, быть может, изысканную неповторимость, дарованную ему природой.

К слову сказать, мне не составляет труда заметить, на кого я воздействовал в этом смысле; в некотором роде отсюда проистекает истинная поэзия, и лишь так можно добиться оригинальности.

К счастью, поэзия наша в смысле техническом так высока, достоинства ее содержания так очевидны, что нашим глазам предстают удивительно отрадные явления. Всё может оказаться еще лучше, и никто не знает, куда это приведет; ясно одно: каждому надлежит познавать себя, уметь судить себя, ибо тут не поможет никакой чужой внешний ориентир.

Но скажем коротко, к чему все сводится. Молодому поэту надлежит высказываться лишь о том, что живет и развивается, неважно, в какой форме; ему следует решительно избавляться от всего, что противно духу, от недоброжелательности, от клеветы, от того, что несет в себе лишь отрицание: ибо при этом ничто не создается.

Я совершенно серьезно посоветовал бы своим молодым друзьям заняться самонаблюдением, поскольку, достигнув определенного навыка в ритмической организации текста, они тем более выиграют в содержании.

А поэтическое содержание — это содержание собственной жизни; никто не может дать нам его, может быть, омрачит, но не умалит. Все, что есть тщеславие, иными словами самодовольство без основания, будет подаваться шлифовке хуже, чем когда-либо.

Заявить о собственной свободе — большая претензия; поскольку этим вы заявляете, что хотите властвовать над самим собой, а кто на это способен? Моим друзьям, молодым писателям, я скажу так: в сущности, сейчас вы не связаны никакой нормой и сами должны определить ее для себя; просто спрашивайте себя в каждом стихотворении, содержит ли оно пережитое и способствовало ли это пережитое вашему развитию.

Я не советую вам беспрерывно оплакивать возлюбленную, которую вы потеряли из-за разделяющего вас пространства, неверности, смерти. Этого никто не оценит, даже если вы потратите на то немало мастерства и таланта.

Держитесь за быстротечную жизнь и проверяйте себя в ее проявлениях; ибо только в данную минуту выясняется, живы ли мы, а при последующем рассмотрении — живы ли мы были» [10, с. 219–220] (пер. с нем. яз. мой. — Т.К.).

Если верить комментаторам текста Гёте, точная дата написания этого своеобразного завещания молодым литераторам-современникам, а скорее всего — потомкам, которое было опубликовано уже после смерти Гёте (Werke. Ausgabe letzter Hand. Stuttgart: Cotta, 1833), неизвестна (см.: [10, с. 988]).

В своем обращении к молодым писателям немецкий классик остался верен жизненному и поэтическому кредо: жить ради жизни, творить, не оглядываясь на установленные прежде нормы, но и не выходя за пределы разумного, а главное, целиком беря на себя ответственность за свой выбор.

Почти сто лет спустя, в сентябрьском номере немецкоязычной версии московского журнала «Интернациональная литература» за 1936 г. (номер целиком посвящен памяти ушедшего из жизни 18 июня А.М. Горького) содержится статья с символическим названием «Освободитель» („Der Befreier“). Ее автор, почитатель творчества Горького, неомарксист Георг (Д.) Лукач начинает свой очерк-некролог¹ с оценки роли ушедшего из жизни для современной литературы, имея в виду прежде всего творчество писателей социалистической ориентации: «Товарищ Молотов сказал в своей траурной речи: “После смерти Ленина смерть Горького — тяжелейшая утрата для нашей страны (имеется в виду СССР, где тогда жил и работал Лукач. — Т.К.) и для человечества”. Нам будет недоставать не только тех произведений, которые могли бы влить в нас свежие силы, но и великого человека: живого сгустка всех подлинных ценностей прошлого, гаранта наследия в практике социалистического реализма, живого подтверждения для нас и для международной общественности, что пролетарская революция, победа социализма приведут к необыкновенному расцвету культуры <...>. Ушел из жизни наш учитель, наш мастер, наш наставник. <...>

Если мы пытаемся теперь понять, что значил <...> Максим Горький <...> мы должны помнить, это не только литературный вопрос. Это вопрос *политический* (курсив Лукача. — Т.К.) в самом высоком, актуальнейшем смысле слова. Это вопрос определения *долга писателя* (курсив Лукача. — Т.К.) на современном этапе. На этапе побеждающей пролетарской демократии <...>.

Кем был для нас, писателей, Горький? <...> Образцом для подражания, мастером, наставником. Все эти слова дают лишь приблизительное представление о масштабности его личности. Если мы хотим найти более точное определение, то не будет ошибкой вспомнить слова Гёте <...> обращенные к молодым писателям» [12, с. 5].

Называя Горького мастером и учителем, Лукач дословно цитирует слова немецкого классика из «Слова» о том, что это прежде всего наставник, помогающий молодым литераторам овладеть художественным ремеслом. И в этом смысле Лукач совершенно прав. Слова Гёте действительно

¹ Более краткая версия изложенных в очерке мыслей, но пока без привязки к «Слову» Гёте, содержится в некрологе Лукача, опубликованном ранее в «Литературной газете» [3, с. 3].

можно применить к Горькому, если вспомнить его гигантскую работу с начинающими авторами.

Но самое важное у Гёте выражено в последнем предложении, которым завершается абзац: «В этом смысле я ни для кого не был *учителем*» [10, с. 219]. То есть, по сути, рефлексирюя по поводу эпохи классицизма, когда для молодых было важно приобщиться к утвердившей себя школе, усвоить опыт мастеров, показать себя достойным учеником и прочее, он считает необходимым напомнить, что с юности не был поборником следования риторической традиции. И теперь с высоты прожитых лет имеет право сказать, что «стал для <...> для молодых писателей <...> *освободителем*...» [10, с. 219] (курсив Гёте. — Т.К.). Не менее важна, однако, в словах Гёте его оговорка «в этом смысле» [10, с. 219]. То есть он ни в коей мере не отказывает себе в праве быть наставником для молодых, по сути объединяя функцию учительства с функцией освобождения. Смысл этой ключевой фразы гётевского «Слова» проясняется по ходу чтения текста.

Лукач, сознательно вынося в заглавие слово, выделенное Гёте курсивом, строит свою статью не просто на интерпретации смыслов, которые вкладывает классик в понятие «освободитель», но пытается убедить читателя в правомерности использования ключевого слова «Слова» по отношению к личности и творчеству Горького, которое привлекло Лукача еще в юности («История развития современной драмы» / „Entwicklungsgeschichte des modernen Dramas“, «Душа и формы» / „Die Seele und die Formen“, 1911 и др.) и которое он изучал на протяжении всей жизни (см. подробнее: [2, с. 194–206]). Обращение Лукача к Гёте не менее правомерно, поскольку важное место в штудиях Лукача-исследователя и Лукача-мыслителя занимал вопрос о характере связи «я и мир» („Ich und Welt“) в системе философских и художественно-эстетических взглядов Гёте².

Лукач не ставит своей целью строчка за строчкой анализировать текст «Слова» на предмет обнаружения в нем лежащих на поверхности параллелей. Его задача — найти наиболее адекватный и выпуклый образ, в котором, как в фокусе, было бы представлено представление его, Лукача, о личности и творчестве Горького.

2 См. на эту тему подробнее изданный в 1913 г. труд Г. Зиммеля «Гёте» (пер. на рус. яз. в 1928 г.), известный и ученику немецкого философа Лукачу, и работу самого Лукача «Гёте и его время» („Goethe und seine Zeit“, 1947).

Отталкиваясь от допущения Гёте, что тот был не только «наставником», но прежде всего — «освободителем», Лукач несколько смещает акценты, видя суть освободительной миссии, «освободительства» (Befreiertum) [12, с. 5] Гёте прежде всего в том, что он «учил молодых поэтов делать свою жизнь содержательнее, серьезнее» [12, с. 5]. В своей интерпретации Лукач опирается на слова Гёте о том, что «поэтическое содержание — это содержание собственной жизни» („Poetischer Gehalt aber ist Gehalt des eigenen Lebens“) [10, с. 220]. О том, что это изречение Гёте для Лукача наиболее существенно в его понимании смыслового сращения «учитель-освободитель» и которое, как справедливо отмечает автор «Освободителя», есть «итог» [12, с. 5] размышлений Гёте (эти слова действительно появляются ближе к концу «Слова»), свидетельствует то, что Лукач цитирует эти слова в начале своей статьи, тем самым не стремясь в точности следовать ходу мысли Гёте. И не только.

Что имел в виду Гёте, называя себя освободителем? Молодые писатели, полагает он, основываясь на понимании гениальности (оригинальный гений / Originalgenie) в искусстве «Бури и натиска», осознали на его примере, что «художник в своем творении вынужден исходить из своих внутренних потенций, и, как бы он этому ни противился, он всегда будет выражать только самое себя» [10, с. 219]. Это признание, сделанное на закате жизни немецкого классика, чрезвычайно важно, поскольку свидетельствует о неизменности выбранного им в начале творческого пути вектора во взглядах на искусство. Для Гёте важны не любое самовыражение, не оригинальность сама по себе. Успех творчества, а вместе с тем и значение самого художника определяются, по его мысли, в первую очередь способностью художника признать себя самодостаточной творческой личностью, вмещающей в себя не менее самодостаточный внутренний мир, достойный явиться всем.

И далее «учитель» Гёте переходит к «практическим советам».

Молодому поэту, убежден классик, «надлежит познавать себя, уметь судить себя» [10, с. 219], не полагаясь на посторонние, внешние ориентиры. Оставаясь в русле своих художественных исканий, Гёте уточняет, чем определяется неповторимость истинной поэзии, призывая молодых писать лишь о том, что живет и развивается, в чем нет косности, а есть созидание. Казалось бы, прерывая логику повествования и неожиданно вновь возвращаясь к вопросам поэтики, он советует молодому поколению «заняться са-

монаблюдением», поскольку владение формой («достигнув определенного навыка в ритмической организации текста» [10, с. 220]) есть для Гёте один из способов совершенствования содержательной стороны произведения.

За этим следует итоговая фраза рассуждений Гёте, из которой следует, что «поэтическое содержание — это содержание собственной жизни» [10, с. 220], и которую Лукач приводит в начале своей статьи.

Какой вывод можно сделать? Во-первых, Гёте не противопоставляет содержание и форму, но рассматривает их в единстве, устанавливает между ними причинно-следственную связь, не умаляя значения ни того, ни другого. Во-вторых, ключевое слово в формуле Гёте — «собственный» (eigen). Выводя поэтическое содержание из содержания собственной жизни художника, Гёте подчеркивает, что творец в равной степени есть всевластный хозяин и собственной судьбы, и своего вымышленного (художественного) мира, а потому ему, по Гёте, надлежит знать, что может негативно сказаться на качестве произведения, и не поддаваться соблазну безосновательного самолюбования. Другими словами, подчеркивая значение свободы художника как в выборе содержания, так и формы создаваемого произведения, Гёте не склонен к волюнтаристскому абсолютизированию своего творческого кредо. Более того, классик предупреждает: «Заявить о собственной свободе — большая претензия» [10, с. 220], поскольку это решение предполагает желание художника «властвовать над самим собой» [10, с. 220]. То есть самостоятельно, как ранее наставлял Гёте, не прибегая к чужим ориентирам, определять собственный вектор развития. Риторический вопрос Гёте, которым завершается предложение («а кто на это способен?» [10, с. 220]), предваряет следующий совет молодым авторам, живущим в эпоху, свободную от диктата нормы и (как ранее отмечено в тексте «Слова», см.: [10, с. 219]) богатую художественными достижениями. Главным индикатором, позволяющим творческой личности, которая вырабатывает собственный стиль, оценить правильность сделанного выбора, всякий раз будет присутствие в произведении не просто следов личного жизненного и творческого опыта, но свидетельств влияния последнего на развитие творческого потенциала художника, ибо только так этот опыт станет неповторимым проявлением всеобщей жизни, обогащающим ее содержание.

Лукач, процитировав итоговое, как он подчеркивает, суждение Гёте о характере поэтического содержания и оставив при этом без внимания

ключевую для Гёте идею о творческом самовыражении художника с опорой на личный опыт, выраженную в слове «собственный», переходит к вольному изложению-интерпретации гётевского высказывания о характере богатой на художественные открытия литературной эпохи начала второй трети XIX в. Достижения в области версификации, по мнению Лукача, облегчали авторам того времени поиски нужных средств поэтического выражения (см.: [12, с. 5–6]). В то же самое время, продолжает автор «Освободителя», это таило в себе «опасность пустой виртуозности, опасность спутать владение литературными формами с настоящей поэзией» [12, с. 6]. При этом, что же, по Гёте, есть настоящая поэзия, Лукач, в отличие от самого классика, не проясняет. Справедливо утверждая, что «иллюзия, будто формальное “мастерство” уже есть поэзия, а содержание естественным образом прилагается к таланту, опасна, сродни рабству, от которого Гёте, если следовать его признанию, освободил молодых писателей» [12, с. 6], автор «Освободителя» снова ссылается на гётевское понятие «содержание жизни» („Lebensgehalt“): «он (Гёте. — Т.К.) освобождает их (молодых писателей. — Т.К.), указывая на важность *содержания жизни*» [12, с. 6] (курсив Лукача. — Т.К.). Важное для классика определение «собственный» („eigen“) из «Слова», обойденное вниманием Лукача при первом упоминании слов Гёте, на сей раз вообще опускается, и это еще раз подтверждает, что в намерения автора «Освободителя» не входило следовать логике рассуждений Гёте. Без всякого перехода, словно продолжая ссылаться на «Слово», но не упоминая источника, Лукач приводит далее финальные строки («рифмованную сентенцию» [11, с. 217]) Гёте из его заметки «Благожелательная реплика» („Wohlgemeinte Erwiderung“, 1832), своего рода обобщенного ответа на просьбы молодых авторов оценить их дарование:

„Jüngling, merke dir in Zeiten, / Wo sich Geist und Sinn erhöht: / Daß die Muse zu *begleiten*, / Doch zu *leiten* nicht versteht“ [11, с. 218].

Имеется два перевода этих строк на русский язык:

1. «Юный друг, пусть каждый знает, / Кто в высокий мир проник: / Муза нас *сопровождает*, / Но она не *проводник*» [5, с. 579];

2. «Юноша, запомни время, / Что возвысит дух и мысль, / С музой ты разделишь бремя, / Ею управлять не тщишься!» [1, с. 330].

Оба они не отражают точный смысл гётевской цитаты. Он становится понятен, если мы возьмем начало из второго перевода, а конец — из перво-

го: Юноша, запомни время, / Что возвысит дух и мысль, / Муза нас *сoppo-вождает*, / Но она не *проводник* (курсив Гёте. — Т.К.).

Отталкиваясь от этого четверостишия, в котором Гёте предостерегает молодых поэтов от того, чтобы всецело полагаться на свое поэтическое вдохновение, забывая о *ratio*, проще говоря, призывает их помнить о богатстве и уникальности собственной жизни, Лукач хочет уточнить свое понимание (судя по логике изложения) — понятия «содержание жизни». Однако если исходить из того, что следует вслед за четверостишием в статью «Освободитель», его автор еще раз пытается объяснить, в чем, собственно, состоит освободительная миссия Гёте. «Гёте-освободитель становится, таким образом, провозвестником *культуры жизни*» (*Kultur des Lebens*) [12, с. 6] (курсив Лукача. — Т.К.), пишет он, указывая, что последняя, согласно его, Лукача, логике, лежит в «основе культуры в искусстве и литературе» [12, с. 6].

Далее теоретик марксистской эстетики, не забывая оговориться, что «было бы смешно буквально воспринимать параллель, которая напрашивается естественным образом», поскольку всем «известны принципиальные различия эпохи позднего Гёте и современности <...> задач литературы этих периодов» [12, с. 6], переводит ход мысли немецкого классика на язык уже современной Лукачу эпохи. Сформулировав, по его словам, основную идею, лейтмотивом проходящую через рассуждения Гёте, автор «Освободителя» подчеркивает чрезвычайную «актуальность и важность» [12, с. 6] понятия «культура жизни» для современных деятелей культуры и искусства в свете развернувшейся в СССР под эгидой Союза писателей борьбы с формализмом. Гёте при этом превращается в соратника Горького, который, как пишет Лукач, «к сожалению, не мог лично участвовать» [12, с. 6] в развернувшейся дискуссии, но в одной из статей (речь идет о статье Горького «О формализме». — Т.К.) написал «с характерной для него откровенностью» [12, с. 6] следующее: «Спор о формализме я, разумеется, приветствую. Со времени съезда литераторов прошло девятнадцать месяцев, и уже давно пора было о чем-нибудь поспорить. Однако мне кажется, что с формализмом покончили слишком быстро. И так как спор этот возник не внутри союза, а подсказан со стороны, — является сомнение: не покончено ли с этим делом только на словах? Мне кажется, что спор о формализме можно бы углубить и расширить, включив в него тему о формах нашего поведения, ибо в поведении нашем наблюдается кое-что загадочное (цит. по: [7, с. 525]).»

В следующем за этой цитатой комментарии Лукач в духе теории и практики социалистического реализма разъясняет суть освободительной миссии Горького в современной литературе: «Горький видит, как жизнь все более остро ставит вопрос о преодолении пережитков капитализма» [12, с. 6]. Этот вопрос, по Лукачу, тесно связан с «фундаментальной проблемой жизни», которую он и определяет как «культуру жизни» [12, с. 6]. И далее, правда, не подтверждая свои умозаключения соответствующими высказываниями писателя, утверждает: «<...> он (Горький. — Т.В.) видит, что немалая часть писателей воспринимает эту фундаментальную проблему жизни, культуры жизни, узко и как чисто специфически литературную» [12, с. 6].

«Что такое литературная культура?» — задает вопрос Лукач. И сам на него отвечает: «Прежде всего: *Понимание истинного человеческого величия* (курсив Лукача. — Т.К.). Способность видеть человеческое величие повсюду, где оно действительно проявляет себя в жизни, пусть даже пока в скрытых, еще несовершенных, недостаточно ясно выраженных формах. Способность разглядеть возвышение человечества, понять и принять это внутренне. Способность распознать новое, зарождающееся в его самых первых проявлениях» [12, с. 6]. И снова обращается к Горькому, на этот раз к его конкретному высказыванию, «большой речи» на Первом всесоюзном съезде советских писателей. В ней, пишет Лукач, Горький, критикуя молодую советскую литературу «главным образом с этой точки зрения <...> сказал: “Мы всё еще плохо видим действительность”» [12, с. 6] (цит. по: [8, с. 322]). Лукач имеет в виду то обстоятельство, что Горький указывает на игнорирование писателями изменений, которые происходят в жизни страны, в самом человеке. При этом, ссылаясь на слова писателя из его воспоминаний о Леониде Андрееве 1922 г., Лукач подчеркивает, что Горький ведет речь о необходимости точного изображения пусть «некоторых — наиболее редких», но «положительных — явлений действительности» [12, с. 6] (цит. по: [9, с. 388]), и то, что Горький понимает под ними прежде всего «проявления идеально-человеческих чувств», которые, по мнению писателя, не «могут произвольно искажаться художником в угоду догмы» [12, с. 6] (цит. по: [9, с. 392]).

Далее в своем очерке Лукач расширярует, в чем заключаются главные черты базировавшейся на принципах культуры жизни «литературной культуры» [12, с. 7] Горького, которыми писатель руководствовался

в своем творчестве и благодаря чему он стал «величайшим писателем своей эпохи» [12, с. 7]. Среди прочего — это универсальность мировосприятия, объективность versus субъективизм, ненависть к любым проявлениям варварства, осознанное и критическое усвоение наследия прошлого, особенно буржуазной культуры, прежде всего в ее декадентско-реакционном изводе, неприятие позиции затворника в «башне из слоновой кости», равно как и «агиток», а также народность, классовый подход, гуманизм и вытекающее из всего этого понимание «человеческого величия» [12, с. 8–9].

Квинтэссенцией рассуждений Лукача о значении Горького в этом смысле служат слова автора «Освободителя» о том, что Горький «органично соединяет высшие цели художественного формотворчества с глубочайшей укорененностью в традициях настоящей, революционной народности, с традициями вершинных достижений мировой литературы» [12, с. 9]. Все вышеперечисленные и приводимые далее в тексте принципы творчества Горького, иллюстрируемые конкретными примерами из разных произведений и жизненных ситуаций писателя, в главном соответствуют, по Лукачу, тезисам Гёте, выдвинутым в «Слове»: близость к жизни, богатый жизненный опыт и умение перевести его в поэтическую плоскость делают Горького в глазах Лукача своеобразным восприемником идей немецкого классика.

Весьма важным для понимания адекватности восприятия Лукачем творчества Горького (насколько сторонняя рецепция совпадает с самооценкой — предмет специального исследования) и степени обоснованности проведенной Лукачем параллели Гёте — Горький служит следующая цитата Лукача: «Горький никогда не сводил поэтическое дарование к проявлению неумемной творческой фантазии, к формальному совершенству текста или другим современным приметам “гениальности”. Он всегда считал себя продуктом собственной работы над собой» [12, с. 10–11]. Важным итогом этой работы, без которой не мог бы сформироваться великий писатель Горький, Лукач видит присущее тому понимание «истинно человеческого» [12, с. 11]. В интерпретации последнего Лукач опирается на известную характеристику Л.Н. Толстого, данную Горькому, которую тот приводит в своем очерке «Лев Толстой»: «Ума вашего я не понимаю — очень запутанный ум, а вот сердце у вас умное... да, сердце умное!» [12, с. 11] (цит. по: [6, с. 267]). Слова Толстого кажутся Лукачу недостаточно всеобъемлющими для прояснения образа Горького-учи-

теля, и автор «Освободителя» в конце своего довольно пространныго пассажа, посвященного интерпретации толстовской характеристики, считает нужным добавить, что «умное сердце» Горького призвано прежде всего помочь другим писателям «правильно постигать человеческое величие этой жизни» и «творчески сопереживать биению этой великой эпохи» [12, с. 13]. Что, скорее всего, отдавая дань жанру и времени создания своего сочинения, заключает Лукач, невозможно без «сталинского внимания к человеку» [12, с. 13], которое демонстрирует в своем творчестве Горький.

Возвращаясь в заключительной части очерка к дискуссии о формализме, Лукач пишет: «Плохое искусство равным образом имеет своим источником жизнь, как и хорошее» [12, с. 14]. Это утверждение не противоречит смыслу гётевского утверждения о том, что «поэтическое содержание — это содержание собственной жизни», поскольку Гёте имеет в виду не жизнь вообще, но жизнь каждого отдельного индивида, равно как Горький, по Лукачу, связывает конкретную «судьбу отдельного человека с жизнью общества» [12, с. 14]. Лукач даже «уточняет» мысль Гёте, поясняя, какую жизнь тот якобы имеет в виду, а именно: хорошее искусство может рождаться только из «правильной» жизни, а плохое имеет в своей основе «жизнь-ошибку» [12, с. 14]. То есть, по большому счету принимая во внимание жизненный опыт писателя, утверждая: «ошибки нашей литературы проистекают из жизни писателей» [12, с. 14], Лукач тем не менее отдаляется от Гёте. В отличие от Лукача, классик не только не склонен к вынесению вердиктов, основанных на антитезах «черное-белое» и пр., но и, более того, не переводит свои наставления молодым в плоскость идеологической, политической парадигм, а остается в области эстетического и этико-мировоззренческого рассмотрения проблемы. Лукач более жестко определяет функцию эстетики и нравственности, подчеркивая, что «за каждым неверно поставленным вопросом о литературной форме скрыты ошибочность, упрощенность, искаженность <...> мировоззрения человека, которым тот руководствуется в своей жизни» [12, с. 14].

Финал очерка, «уточняя» содержание гётевского понятия «освободитель» применительно к Горькому, еще больше уводит от мысли оригинала. Лукач напрямую связывает литературу с борьбой классов: «Литературные битвы наших дней суть составляющие борьбы с пережитками капитализма

в бытии и сознании человека. Максим Горький был великим зачинателем этого движения; фактически, он вышел за рамки искусства капиталистической формации. Мы живем в переломное время, и актуальность наследия Горького состоит в том, что он показал нам путь преодоления этих пережитков» [12, с. 14]. И тем не менее, заключает Лукач, «таким образом, он — наш *освободитель* в духе Гёте» [12, с. 14].

Тема «Творчество Горького в свете идей Гёте» никогда не была предметом специального анализа ни в отечественной, ни в зарубежной гуманитарной науке. Очерк Лукача не предполагал строго научного подхода к заявленной теме. Он был написан как своеобразная высокоэмоциональная эпитафия в пафосном панегирическом тоне, что соответствовало атмосфере момента и было целиком созвучно мыслям и чувствам автора «Освободителя». На протяжении многих лет сам Лукач касался этой темы, прямо или косвенно высказывая свои мысли по поводу личности и творчества обоих писателей, но никогда не сводил их вместе. Полноценного научного исследования о схожести идей Гёте и Горького об освободительной миссии литератора Лукач не оставил, не сделали этого и другие, пришедшие ему на смену идеологически и политически менее ангажированные исследователи. Но, в частности в предисловии к переводу книги известного немецкого литературоведа К.О. Конради «Гёте. Жизнь и творчество» („Goethe — Leben und Werk“, 1982), известный российский литературовед А.А. Гугнин пишет: «Особенно показательно то, что великий пролетарский писатель <...> Гёте <...> рассматривает в орбите идеи свободы и человеческого бунта, столь важной для него самого» [1, с. 14]. В целом можно сказать, что эти слова хорошо вписываются в создававшийся на протяжении многих лет в литературоведении образ Горького. Сам Лукач выразил эту мысль в своем некрологе, опубликованном в «Литературной газете» сразу после смерти писателя. В нем в сжатом виде зафиксированы все важнейшие принципы, которые, по Лукачу, составили смысл жизни и творчества Горького и определили его роль для эпохи, в которую и для которой жил и творил сам Лукач. Приведем этот ныне полузабытый³ документ с некоторыми сокращениями. Главным образом они касаются оценочных, идеологически и политически маркированных характеристик того времени, а также некоторых фрагментов, име-

3 Почти сразу после появления некролога на русском языке он был опубликован в англоязычной версии журнала «Интернациональная литература» [13].

ющих отношении к конкретному художественному анализу. В целом же этот документ чрезвычайно важен для прояснения мысли Лукача об освободительной миссии Горького в связи с самоопределением Гёте, вынесенным в название статьи Лукача в журнале «Интернациональная литература». Мы выделили курсивом ключевые слова, имеющие непосредственную связь как со «Словом» Гёте, так и с очерком Лукача «Освободитель»:

<...> Художественная сила Горького и дело его жизни — это живое воплощение той истины, что революционный пролетариат, и весь народ, *освобожденный* пролетарской революцией <...> являются <...> наследниками *гуманизма* и великого искусства.

Слово «человек» получило у Горького совершенно новое значение. В пафосе его *гуманизма* больше и радостной надежды, и гнева, одновременно он светлее и вместе с тем в нем больше ненависти ко всякому *рабству*, чем у какого бы то ни было из гуманистов прошлого.

Светлая радость этого *гуманистического пафоса* порождена связью Горького с революционным движением рабочего класса <...>.

Для Горького <...> это прежде всего *раскрепощение человека, уничтожение всех пут, связывающих свободное развитие человеческой личности*. <...>

Молодой Горький умеет видеть колоссальные силы <...> дремлющие <...> в каждом человеке <...>. Он видит, как эти силы восстают против всего, что держит их в *унизительном плену*. Но он видит так же, как непокорные силы тратятся попусту, как отклоняется, искажается их действие. <...>

Горький видит, что революция освобождает *индивидуально* каждого, кто действительно отдается ей телом и душой, что она делает его *настоящим человеком*.

<...> Пролетарским революционным *гуманизмом* проникнуто все творчество Горького.

<...> Внутренняя насыщенность стиля Горького полностью выражает *многообразное содержание мира*, им изображаемого <...>. *Содержательность* произведений заключается в богатстве переплетающихся и находящихся в *постоянном развитии* характеров.

<...> Умственная жизнь персонажей всегда органически вырастает у него <...> из *бытия* этих персонажей; она имеет столь же *индивидуальный характер*, как и их внешность, голос, манеры. <...>

Он был нашим общим учителем.

<...> Горький умел изобразить, как *живого*, даже обывателя, обесцвеченного капитализмом. А *разве* новый глубоко-ценный социалистический человек в произведениях наших писателей не теряет иной раз свой *индивидуальный облик*, не изображается как механический «продукт» определенных общественных условий? <...>

Правда, не так легко учиться у Горького <...>. *Учиться у Горького* — это <...> не чисто литературная задача.

Надо учиться у Горького его *отношению к жизни*, понять, что и почему он любил, что он ненавидел и за что ненавидел. Надо понять, как развивалось его мировоззрение. Надо понять тесную связь между пролетарской революционностью, пролетарским *гуманизмом* и реалистическим искусством. Для того, чтобы извлечь полезные уроки из его писательской культуры, надо прежде понять *высокую культуру всей его жизни*.

<...> Горький стал первым классиком социалистического реализма, примером для нас, человеком, указавшим верный путь развития для нашего искусства.

<...> Горький умер. Но он остается нашим живым современником, нашим классиком и учителем, высоким образцом писателя — социалистическое реалиста [3, с. 3].

Вероятно, в наше время идеологически окрашенная содержательная пафосность некролога, дополненная не менее пафосным и эмоциональным стилем, представляется анахронизмом. Но в данном случае важно другое. Мысли, выраженные в некрологе, который был опубликован под названием «Великий пролетарский гуманист», позволяют провести прямую связь с вышедшим спустя два месяца «Освободителем». Не возникает сомнений, что уже во время создания некролога Лукач держал в уме имя Гёте (об этом свидетельствует явная переключка смыслов, выраженных в обоих текстах Лукача), и только ситуация, выбранный в соответствии с ней жанр публикации не позволили ему обратиться в ней к сравнению двух значимых для него художников слова.

Как известно, имя Горького было широко известно в Германии уже с начала XX в., когда он стал для немецких интеллектуалов разных направлений воплощением писателя новой эпохи. А начиная с 1920-х гг., на кото-

рые приходится важным период в жизни и творчестве Горького (пребывание в Германии в 1921–1923 гг.), его имя тесно связывается и с литературой нового образца, социалистического реализма, чему немало способствовал Лукач.

О том, насколько статья Лукача 1936 г. была известна в кругах писателей социалистической ориентации, свидетельствует, в частности, тот факт, что И.Р. Бехер назвал свою речь по случаю празднования 200-летнего юбилея Гёте в 1949 г. «Освободитель», вложив в нее те же смыслы, которые были заложены в статье Лукача [4]. К сказанному можно добавить, что в несколько сокращенном виде она начиная с 1949 г. до настоящего времени включается немецкоязычными издательствами в состав сборников статей и собраний сочинений философа, впрочем, не подвергаясь какому бы то ни было осмыслению и/или реинтерпретации со стороны критиков и исследователей.

Обращение к этой теме кажется нам важным прежде всего в связи с историко-контекстуальным подходом (А.А. Гугнин и др.) к исследованию литературного процесса. Ее изучение проливает дополнительный свет на недостаточно изученную страницу творчества Гёте. Идеи немецкого классика включаются в исторический и культурный контекст иной эпохи, в контекст идей, рожденных людьми этой эпохи. Без знания конкретных условий, в которых создавался «Освободитель», невозможно, в частности, понять имеющий место в рецепции Лукача редукционизм в освещении творчества Горького.

Список литературы

Исследования

- 1 Конради К.О. Гёте И.В. Жизнь и творчество. М.: Радуга, 1987. Т. I: Половина жизни / предисл. и общ. ред. А. Гугнина. 592 с.
- 2 Кудрявцева Т.В. К истокам социалистического реализма в Германии // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 1. С. 194–206. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-01-20
- 3 Лукач Г. Великий пролетарский гуманист // Литературная газета. 1936. 20 июня. № 35. С. 3.
- 4 Becher J.R. Der Befreier: Rede, gehalten am 28. August 1949 im Nationaltheater Weimar zur zweihundersten Wiederkehr des Geburtstages von Johann Wolfgang Goethe. Berlin: Aufbau-Verlag, 1949. 56 S.

Источники

- 5 *Гёте И.В.* Благожелательный ответ / пер. Н. Ман // *Гёте И.В.* Об искусстве. М.: Искусство, 1975. С. 578–579.
- 6 *Горький А.М.* Лев Толстой // *Горький А.М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1951. Т. 14. С. 253–300.
- 7 *Горький А.М.* О формализме // *Горький А.М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 27. С. 521–528.
- 8 *Горький А.М.* Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // *Горький А.М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 27. С. 298–333.
- 9 Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка / под ред. И.И. Анисимова. 630 с.
- 10 *Goethe J.W.* Ein Wort für junge Dichter // *Goethe J.W.* Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. Münchner Ausgabe: in 21 Bdn. München: btb-Verlag, 2006. Bd. 18.2: Letzte Jahre 1827–1832. S. 219–220.
- 11 *Goethe J.W.* Wohlgemeinte Erwiderung // *Goethe J.W.* Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. Münchner Ausgabe: in 21 Bdn. München: btb-Verlag, 2006. Bd. 18.2: Letzte Jahre 1827–1832. S. 217–218.
- 12 *Lukács G.* Der Befreier // Internationale Literatur. 1936. № 9. S. 5–14.
- 13 *Lukács G.* Eulogy for Maxim Gorky: A Great Proletarian Humanist // International Literature. 1936. № 8. P. 5–6.

References

- 1 Konradi, K.O. *Gete I.V. Zhizn' i tvorchestvo* [*Goethe. Life and Works*], vol. I: Polovina zhizni [Half Life], introd. and ed. by A. Gugin. Moscow, Raduga Publ., 1987. 592 p. (In Russ.)
- 2 Kudriavtseva, T.V. “K istokam sotsialisticheskogo realizma v Germanii” [“About the Origins of Socialist Realism in Germany”]. *Filologicheskii klass*, vol. 27, no. 1, 2022, pp. 194–206. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-01-20 (In Russ.)
- 3 Lukach, Georg. “Velikii proletarskii gumanist” [“Great Proletarian Humanist”]. *Literaturnaia gazeta*, no. 35, 20 June, 1936, p. 3. (In Russ.)
- 4 Becher, Johannes R. *Der Befreier: Rede, gehalten am 28. August 1949 im Nationaltheater Weimar zur zweihundersten Wiederkehr des Geburtstages von Johann Wolfgang Goethe*. Berlin, Aufbau-Verlag, 1949. 56 s. (In German)